

МАРИША КРАМЕР

СИЛИКОНОВАЯ
НАДЕЖДА

Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер

Марина Крамер

Силиконовая надежда

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Силиконовая надежда / М. Крамер — «Эксмо», 2018 — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер)

ISBN 978-5-04-095958-7

Преуспевающая владелица клиники пластической хирургии Аделина, ее новый подчиненный Матвей и повариха Анна. Три совершенно разных человека оказываются связаны друг с другом событиями, происходившими в их жизнях в прошлом и продолжающимися до сих пор. Аделина – жертва шантажа, и к этому причастен кто-то из близких людей, у Матвея – проблемы в личной жизни. Анна вынуждена делать то, чего сама не хочет. Кто из них окажется настоящим, а кто носит маску, которая упадет в самый неподходящий момент?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095958-7

© Крамер М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Аделина	6
Матвей	8
Анна	11
Аделина	13
Матвей	15
Аделина	17
Анна	22
Матвей	25
Аделина	27
Анна	31
Аделина	33
Матвей	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марина Крамер

Силиконовая надежда

«Мы ответственны за тех, кого приручили».

Хорошее, благородное правило...

Но что делать, если ты разочаровался?

Как быть, если ты понял, что не должен был приручать того, кто приручился?

Анхель де Куатье. «Маленькая принцесса»

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Крамер М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Аделина

Меня зовут Аделина, и я вижу сны. Понимаю, что звучит странно, сны видят все, но мои сны иногда, к моему ужасу, сбываются наяву. И – никогда ничего хорошего. Честное слово, ни разу не сбылось что-то приятное, позитивное и доброе, только всякая дрянь. Чаще всего мне снится брат. Николай, или Николенька, как звала его мама, единственный родной человек, оставшийся у меня в жизни. Мама умерла, отец давно живет в другой стране и даже не вспоминает о том, что в его жизни когда-то были жена и дети. Мы уже взрослые, ему нет нужды заботиться о нас – да и в нашем детстве он не слишком обременял себя этим. Когда он решил перебраться за границу, мама отказалась ехать с ним, они оформили развод, и больше отец в нашей жизни не появлялся. Я даже не знаю, жив ли он. Когда шесть лет назад умерла мама, я только-только открыла свою клинику, а Николенька делал вид, что учится на втором курсе факультета журналистики. Мама так и не узнала, что мне приходилось оплачивать его зачеты и экзамены, иначе за систематические прогулы и неуспеваемость его давно бы отчислили и отправили в армию. Это, наверное, даже к лучшему – она ушла спокойно, не переживая и не волнуясь за нас, считая, что я, как старшая и успешная, не дам пропасть младшему брату и помогу ему чем смогу (в основном, конечно, деньгами) на пути в большую журналистику. Если, конечно, она в тот момент об этом еще помнила. Не узнала мама и того, что ее обожаемый Николенька вместо написания статей и чтения умных книжечек просиживал сутками за компьютером, играя в преферанс. Он был одержим идеей быстрого заработка, и, разумеется, журналистика не относилась к тем видам деятельности, где можно за пять минут заработать кучу денег. Правда, как выяснилось, игра в преферанс тоже требовала таланта и напряжения умственных ресурсов, а также денежных вложений. Но, когда я об этом узнала, было уже поздно...

Мне приснился сон, в котором я увидела брата стоящим в яме, а сверху на него сыпалась земля. Я кричала, прыгнула к нему и руками старалась отгрести землю, засыпавшую Николеньку с большой скоростью. Мне никак не удавалось ни вытащить его, ни хотя бы остановить поток сыплющейся откуда-то сверху земли. Проснувшись я от боли в пальцах и такого бешеного сердцебиения, что всерьез подумала о вызове кардиобригады. Первое, что я сделала, немного успокоившись, – это позвонила брату. Николенька взял трубку не сразу, недовольно пробурчал:

– Какого фига, Деля? Семь утра!

– Вот и прекрасно, тебе давно пора быть на ногах и в университет собираться. – После очередного отчисления мне удалось-таки уговорить ректора восстановить моего непутевого братца, но, похоже, скоро его опять отчислят за непосещение.

– У нас сегодня нет занятий.

– Коля! Может, хватит? – не выдержала я, нервно выдергивая из пачки сигарету. – Занятия у вас есть, только ты туда не собираешься.

– Вот скажи, ты зачем задаешь вопросы, ответы на которые тебе всегда не нравятся? – поинтересовался брат.

– Не заставляй меня ехать к тебе и вести на занятия за ручку.

– Еще не хватало.

– Тогда собирайся и вали сам, я проверю.

– Достала ты меня со своим контролем! – взорвался братец. – Мне двадцать пять лет, я что – сам не разберусь?

– Нет, сам ты, к сожалению, не разберешься, – стараясь не заводиться, произнесла я. – К началу сессии разбираться с твоими пропусками и академической неуспеваемостью опять придется мне. Плавали, знаем.

– Денег зажала – так и скажи.

– Они мне не с неба падают, если знаешь. Короче, быстро собрался – и в университет. Все. В три часа я приеду и заберу тебя, поедem на кладбище.

– У меня лекции в час заканчиваются – мне что, торчать в универе?

– Да, представь себе. В библиотеке посиди, там всегда есть чем заняться. Если, конечно, ты вообще знаешь значение слова «библиотека», господин будущий великий журналист, – съязвила я и положила трубку.

Когда в три часа я подъехала к зданию университета, Николеньки на крыльце ожидаемо не оказалось. Как не оказалось ни в библиотеке, ни в столовой. Собственно, и на занятиях он тоже не появился, это я выяснила в деканате, где декан уже узнавал меня и называл по имени-отчеству.

На кладбище я поехала одна, долго сидела на скамейке у могилы мамы и обещала ей, что не брошу непутевого братца, заставлю его доучиться. Я не стала делить с ним мамину квартиру – у меня уже была своя, и я посчитала, что Николеньке важно остаться там, где он вырос, в привычной обстановке. Я всегда помогала ему деньгами, потому что где еще студент мог их взять? О том, что все деньги он просаживает в покер или на бирже, я узнала значительно позже, когда, как я уже говорила, было поздно на что-то влиять.

Матвей

Едва переступив порог кабинета главного врача, он сразу понял – нет, не сработаются. За столом сидела худощавая блондинка с чуть длинноватым острым носом и огромными прозрачными серыми глазами, взгляд которых ему почему-то сразу не понравился.

«Жаль, – подумал Матвей, беглым взглядом окидывая помещение. – Клиника хорошая, видно, что со знанием дела все организовано, грамотно. Да и клиентура явно состоятельная, если исходить из преискуранта». Но женщина, сидевшая в кресле главного врача, ему не понравилась, а за годы практики Матвей приучил себя работать только с теми, кто не вызывает у него негативных эмоций, и окружать себя в операционной только теми, кому он мог доверять и кого понимал не с первого слова – со взгляда. «Действительно, очень жаль, – снова мысленно вздохнул Мажаров. – Только время зря потратил».

Эту клинику ему посоветовал бывший однокурсник Валька Мамонтов. Матвей как раз находился в поиске работы – с прежней ушел, почувствовав, что достиг «потолка», забраться выше которого не может, а прозябать там, где неинтересно, не желал. Мажарова называли хирургом от бога, хотя он страшно не любил этого пошловатого сравнения, считая, что человек с дипломом врача просто не имеет права делать свою работу плохо. Но он и в самом деле был талантливым хирургом, способным увидеть проблему там, где остальные ее еще и не заподозрили. Он обладал блестящей техникой, не допускал даже мелких ошибок, а процент излечившихся у Мажарова всегда был выше, чем у других его коллег. Матвей не был честолюбивым, карьерный рост его совершенно не интересовал, и потому он отверг несколько предложений о назначении заведующим отделением, считая, что административная рутина убьет в нем хирурга. Увольнение из больницы, где он проработал с самого окончания института, было связано с тем, что Матвей осознал: он может куда больше, чем резекция желудка, а потому посчитал необходимым заняться пластической хирургией. Не то чтобы его интересовали грудные импланты и обрезанные до пекинесьего вида носы капризных барышень – нет, он хотел помогать тем, кому на самом деле была необходима помощь хорошего хирурга-пластика, – людям, действительно нуждавшимся в коррекции изъянов, а не тем, кому просто не нравилась морщина между бровей. Однако вскоре оказалось, что пластических хирургов развелось столько, что найти работу стало весьма и весьма проблематично. Матвей кочевал из одной клиники в другую, чувствуя, что его потенциал пропадает, растрачивается на устранение незначительных косметических дефектов, тогда как ему хотелось совершенно иного.

Вот тут-то и подвернулся Валька Мамонтов, рассказавший о небольшой частной клинике за городом, которую возглавляла его приятельница Аделина Драгун.

– Баба она еще молодая, но с амбициями, – рассказывал Валька, сидя напротив Матвея в ирландском пабе, куда они приехали как-то вечером посмотреть футбольный матч и попить пивка. – Врачей у нее трое, сама тоже оперирует, но ищет, как я слышал, еще одного хирурга. Клиенты в основном состоятельные, клиника-то вроде пансиона – одноместные палаты, какой-то модный повар, лес кругом, тишина, все условия для реабилитации.

– И что – перекраивает лица за большие деньги?

– Удивишься – нет. Делька, конечно, берется за разные мелочи типа скул и подбородков, но в основном к ней едут те, от кого отказались в других местах – она практически заново людям лица собирает. А для такой работы, как ты понимаешь, необходимо иметь и клиентов платежеспособных, за чей счет клиника и развивается. Ну, и спонсор там тоже имеется, и, как мне кажется, довольно влиятельный и состоятельный, но Делька об этом, понятное дело, не распространяется.

Это Матвея заинтересовало, потому что было как раз тем, чем и сам он хотел бы заниматься. Подарить отчаявшемуся человеку шанс на новую жизнь с новой внешностью – вот о чем он всегда мечтал, как бы ни высокопарно это звучало.

– А телефончик не подгонишь? – небрежно поинтересовался он, расправляясь с огромной креветкой в чесночном кляре.

– Запросто. Только... Аделина Эдуардовна девушка с характером, может со входа огорчить, так что ты имей это в виду.

– А чего так?

– Старая дева, живет одна, все интересы крутятся вокруг работы, так что и к людям она подходит с такой позиции – полезен ли он клинике, будет ли отдаваться на сто процентов. Ее ничего в жизни больше, кажется, и не интересует, – рассмеялся Валька.

– Ну, я не жениться на ней собираюсь, а с отношением к работе у меня никогда проблем не возникало, если знаешь. Давай телефон.

Собственно, вот так Матвей Мажаров и оказался в этом бело-голубом холодном кабинете, откуда теперь собирался выйти после кратких извинений. Едва он открыл рот, чтобы сказать о том, как сожалеет, что потратил чужое время, сидящая в кресле женщина в зеленой хирургической робе под белым халатом вдруг произнесла:

– Если не ошибаюсь, вы – тот самый Мажаров, о котором недавно была статья в «Медицинской газете»?

Матвей слегка удивился:

– Вы читали?

– Да. И если все, о чем там сказано, правда, то вы мне подходите.

– Газетчики приукрасили, конечно, но в целом... Но я не об этом хотел... – и тут его перебили:

– Я в состоянии отделить газетные красоты от истинного положения вещей. Кроме того, я навела справки после вашего звонка. Повторяю – вы мне подходите. Предлагаю определиться, подходит ли вам я, – сказала Драгун и тут же смутилась, поняв, что фраза прозвучала довольно двусмысленно.

Матвей с удивлением отметил, что смущается она совсем как ребенок – краснеет, опускает глаза и суетливо бегаёт пальцами по столу. Для довольно сухой внешности и явно тяжелого характера это было странно, но почему-то показалось ему милым.

– Видите ли, Аделина Эдуардовна, я не уверен, что смогу сработаться с вами.

– А я не предлагаю вам работать со мной. У меня есть еще два отличных хирурга, вы можете пока поработать с кем-то из них, они, думаю, с удовольствием будут первое время вам ассистировать.

– Странно, мне сказали, что врачей в клинике трое помимо вас.

– Третий – терапевт. Есть еще анестезиологи, врач кабинета физиотерапии, психолог и психотерапевт. Штат, как видите, немаленький, это не считая медсестер, санитарок, повара с ее помощниками и двух официанток, а также подсобного рабочего и нескольких ребят из охранной фирмы. – Матвею показалось, что, перечисляя это, Драгун даже слегка улыбнулась, явно гордясь своим детищем. – У нас новейшее оборудование, нет проблем с медикаментами, прекрасный послеоперационный уход, словом, вы не пожалеете, если решите остаться. Ну, и работы всегда хватает.

«Похоже, она меня уговаривает, – размышлял Матвей, забыв о приличиях и уже в упор рассматривая сидевшую напротив него Аделину. – Странно, почему она не замужем. Я-то думал, тут все будет запущено – очки, блеклые волосюшки в пучке и запах от сорока кошек, а она вполне интересная женщина. Разве что глаза чересчур холодные и какие-то уставшие. А так – вполне, вполне...»

Драгун вдруг встала и направилась к окну, и Матвей понял, что смутил ее своим пристальным взглядом, и она старается скрыть смущение. «А чего, собственно говоря, я так упираюсь? – спросил себя Мажаров. – Клиника-то на самом деле хорошая. Ну, не приглянулась мне главный врач – так что с того? Она вон и сама сказала, что за один стол со мной не встанет, так в чем проблема? Попробую, пожалуй, поработаю три месяца, не понравится – уйду, кто меня привяжет?»

– У меня только один вопрос, Аделина Эдуардовна, – кашлянув в кулак, произнес он вслух. – Когда мне приступать?

Она обернулась и, смерив его чуть насмешливым взглядом, спросила:

– Что, даже размером оплаты не поинтересуетесь?

– Нет, – весело подтвердил Матвей. – Думаю, платят у вас прилично. Собственно, меня куда сильнее интересует ваша операционная.

– Ну, это мы легко исправим. – Она вернулась к столу, нажала кнопку интеркома, и через секунду в кабинет вплыла пышная белокурая красавица в строгой юбке, белой рубашке и кокетливом бело-голубом платочке на шее:

– Вызывали, Аделина Эдуардовна?

– Да, Аллочка, будьте так любезны, выдайте доктору Мажарову халат и проведите ему небольшую экскурсию по клинике – от палат до операционной.

– С удовольствием, – окатила Матвея томным взглядом администратор.

– А когда закончите, подготовьте, пожалуйста, договор о приеме Матвея Ивановича на испытательный срок.

– Хорошо. Идемте, Матвей Иванович. – Девушка распахнула дверь и жестом предложила Матвею выйти первым.

Выходя, Мажаров затылком ощутил провожавший его взгляд Аделины.

Анна

– А это у нас, так сказать, кухонный блок, – раздался за моей спиной звонкий голос администратора клиники. – Аделина Эдуардовна не любит название «пищеблок», потому называет это кухней. А это – знакомьтесь – Анна Александровна Тихомирова, наш шеф-повар и вообще волшебница.

Я повернулась от раковины, где только что сортировала почищенные помощницей тушки кальмаров, и увидела перед собой высокого выбритого наголо мужчину в одноразовом синем халате поверх туго обтягивавшей бицепсы и широкую грудную клетку белой водолазки. Он смотрел на меня, чуть наклонив вправо голову, и протягивал руку:

– Матвей Иванович Мажаров, новый хирург.

– Анна. – Я проигнорировала протянутую руку, потому что моя была в перчатке и с нее стекали капли воды.

– Значит, это вы – тот самый легендарный шеф-повар, о котором столько говорят?

Я смутилась еще сильнее:

– Ерунда какая-то...

– Хорошенькая ерунда! – вклинулась Аллочка. – Вы ее не слушайте, Матвей Иванович, Аня у нас девушка скромная. Но как только вы попробуете то, что она готовит, – все, считайте, что попали в плен.

– Алуся, перестань, а? – жалобно попросила я, мечтая уже только о том моменте, когда новый хирург выйдет наконец из моего подземного царства.

– Нет, не перестану. Вы, Матвей Иванович, непременно расскажите Ане, что вы любите и не любите есть, и можете быть уверены в том, что она это запомнит.

– Это у вас тут что же, ко всем такой подход? – удивился он, и Алка, зараза, засмеялась:

– Нет, только к избранным.

– Ну, что ты ерунду говоришь? – перебила я, чувствуя, как пылают щеки. – Мы и у пациентов всегда выясняем, кто что любит и не любит, чтобы пребывание здесь было максимально комфортным. Так Аделина Эдуардовна говорит.

– Похоже, начальница ваша тут в большом авторитете, – заметил новый хирург, и я мгновенно почувствовала укол неприязни к нему:

– Не надо ее так называть.

Его брови удивленно взметнулись вверх.

– Я разве что-то обидное сказал? Наоборот, с почтением. Такая молодая женщина – и такое уважение.

– Она очень хороший человек, ее все любят. А сейчас, если вы позволите, мне надо вернуться к приготовлению обеда. На стенке у двери висит блокнот, найдите там чистую страницу, напишите свое имя и перечислите, пожалуйста, то, что любите и не любите. И есть ли аллергия на продукты, – проговорила я заученную фразу почти механическим голосом и отвернулась к раковине.

– Извините, что оторвали вас, – произнес новый хирург за моей спиной. – Было приятно познакомиться.

– Взаимно, – буркнула я, не оборачиваясь, и, наскоро побросав подготовленные тушки кальмаров в большую чашку, ушла в основное помещение кухни, где располагались плиты и рабочие столы.

На самом деле мне это знакомство не принесло ничего приятного, скорее – наоборот. Много лет я приучала себя не замечать мужчин, не впускать никого в свое сердце, не привязываться к кому-то. И тут, когда я почти сумела справиться со всеми соблазнами, чтобы иметь возможность заниматься только работой, вдруг появляется этот Матвей... Нет, я не могу себе

позволить никаких симпатий, никаких романов, иначе все, что я выстраивала с таким трудом, рухнет, и я снова погружусь туда, откуда с болью и мучениями выбиралась так много лет.

Аделина

Конверт. Обычный почтовый конверт с маркой в верхнем правом углу. Проблема только в том, что мне никто не может писать писем. Но в адресной строке указано мое имя, значит, ошибки быть не может, письмо адресовано мне. И это не самое лучшее завершение и без того тяжелого дня, вот что. Я была уверена, что в конверте нет никаких добрых вестей – хотя бы потому, что писем я ни от кого не ждала.

Оставив конверт на полке под зеркалом в прихожей, я первым делом направилась в ванную – контрастный душ всегда помогал мне хоть чуть-чуть взбодриться после трудного рабочего дня. Да, я уже несколько лет могу позволить себе домработницу, которая приходит раз в два дня, наводит порядок в моей просторной и почти пустой квартире, готовит какую-то еду – так что у меня нет нужды в домашних хлопотах, если я устала. Но иногда хочется самой приготовить себе ужин, самой вытереть пыль с мебели, почувствовать себя женщиной.

Я живу, словно притиснутая толпой к окну в автобусе. Мимо проходит жизнь, в которой я не участвую – я только наблюдаю за ней, сплющив лицо о холодное стекло, и не могу ни выйти из ненавистного автобуса, ни даже разбить это чертово окно, чтобы хоть на секунду стать свободной и просто попробовать жить. Как запрограммированный автомат, я выполняю каждый день набор необходимых действий, а вечером валюсь с ног от усталости, не в силах не то что сделать что-то лишнее, а даже просто захотеть, пожелать чего-то. Любимая работа превратилась в смысл моего существования. Нет, не потому, что мне нужно много денег, – я отлично умею довольствоваться необходимым и не желать лишнего, а потому, что мне нечем заполнить эту пустоту внутри себя.

Сколько помню, всегда училась. В школе, в академии, на курсах повышения квалификации, на семинарах – везде. Я не была заучкой и ботаничкой, в студенческие времена я всегда была душой компании, много общалась, любила суету и большое количество людей вокруг. Но потом что-то сломалось, пошло не так. Однажды я оглянулась вокруг и поняла, что осталась совершенно одна. Подруги вышли замуж, нарожали детей, друзья тоже женились, компания распалась, у всех свои заботы, дела, работа, карьера, бизнес. У всех гнезда, птенцы – и только я по-прежнему летаю одна, без пары, без тыла, без будущего. Клиника – все, чего я добилась в этой жизни. Клиника – и пациенты, которым я возвращаю веру в жизнь и надежду на что-то впереди. Иной раз, собирая буквально по кускам чье-то лицо, я думаю о том, что после всех этих страданий, мучений и длительного курса реабилитации этот человек сможет смотреть на себя в зеркало без отвращения, сможет снова быть тем, кем был раньше, либо же получит возможность изменить в своей жизни то, что ему не нравилось. А у меня нет такой возможности. Я так и буду бегать по этому кругу, как деревянная лошадка на карусели в парке – ни вырваться, ни сойти. Из всех друзей только и осталась подруга Оксанка и ее муж, журналист-международник Всеволод, с которым, правда, в силу его постоянных зарубежных командировок мы виделись довольно редко.

Подобные мысли всегда посещали меня после тяжелых операций, таких как сегодня – я сделала первую из множества предстоящих по поводу собачьих укусов ребенку двенадцати лет. Соседская псина набросилась на парня, когда тот поднимался по лестнице, а хозяйка, собираясь гулять, неосторожно открыла дверь, и огромный ротвейлер в один прыжок повалил мальчишку в пролет. Отбивали, говорят, двое взрослых мужиков – муж хозяйки собаки и работающий в соседней квартире электрик. Но лицо парню пес попортил основательно, я сразу поняла – работы будет много. В таких ситуациях особенно больно видеть глаза родителей – ждущие, полные надежды и страха. Отец был более собран и прагматичен, сразу спросил, в какую сумму им обойдется лечение в такой клинике, как моя. Я выдала дежурное «разберемся», потому что подобные разговоры предпочитаю вести не в приемном кабинете, а в собственном.

Дело в том, что детей я оперирую бесплатно, какой бы сложности процесс ни предстоял. Это мое правило, мое условие, и мой персонал отлично об этом знает. Я открывала эту клинику специально, чтобы иметь возможность помогать тем, кто не в состоянии оплачивать дорогостоящие операции по реконструкции лица. Зарабатываю я на других операциях, для которых и держу в штате еще двух хирургов-пластиков высокой квалификации. Ну, и спонсорская помощь, конечно.

Собственно, даже участок земли под клинику я никогда не получила бы без вмешательства спонсора – тогда еще просто чиновника мэрии Антона Петровича Грушина. Это теперь он депутат и живет в столице, а тогда занимал довольно скромную должность в одном из подразделений мэрии и попал в приемное отделение больницы, где я работала после окончания института челюстно-лицевым хирургом. У Антона Петровича в автоаварии были сломаны челюсть, нос и скуловая кость, да так, что осколок вошел в глазницу, едва не повредив глазное яблоко. Мы собирали его лицо буквально по кускам, но в конце концов остались только тонкие шрамы, а глаз, нос и челюсть вернулись почти в свое первоначальное состояние. Почти – потому что нос я потом оперировала ему еще раз, чтобы сгладить косметический дефект. Грушин проникся ко мне благодарностью, так как даже не надеялся на такой исход – думал, что в обычной городской больнице подобных вещей не делают. Мы подружились. Это была действительно дружба – без притязаний, без попыток перевести ее в горизонтальную плоскость, без намеков и двусмысленностей. Грушин присылал мне цветы к каждому празднику, приглашал в театр, иногда мог заехать вечером на чай – и это никогда не заканчивалось чем-то иным, нежели чай с тортом и приятная беседа. Когда я заикнулась, что хотела бы когда-нибудь организовать собственную клинику, Антон Петрович отреагировал почти мгновенно:

– Слушай, а ведь правда. Чего тебе в городской больничке прозябать, у тебя же руки золотые и талант. Ты сядь-ка на досуге и продумай концепцию, чтобы мне было с чем зайти в разные кабинеты.

Я опешила:

– Да мне за всю жизнь не заработать денег, которые нужны даже для открытия частного кабинета! А это клиника! Место, помещение, оборудование, персонал, в конце концов... Нет, это только мечты.

– Так, Аделина, – вдруг жестко сказал Грушин. – Если я говорю – садись и пиши, значит, садись и пиши, технические вопросы оставь мне.

Совершенно уверенная в провале данного мероприятия, я все-таки в выходной села и набросала план, но сделала это скорее для того, чтобы Грушин отстал. К моему удивлению, через два месяца Антон Петрович приехал ко мне в субботу и пригласил прогуляться за город.

Отвлекаясь на воспоминания, я все-таки то и дело возвращалась к конверту, лежавшему по-прежнему на полке в прихожей. Не знаю почему, но внутри сидела уверенность в том, что ничего хорошего в нем нет. Было ощущение, что от белого бумажного прямоугольника исходит злая энергия. Я не особенно верю в эти теории, но сейчас была готова поклясться, что в этом что-то есть. Решив больше не оттягивать неприятный момент, а пережить все, так сказать, оптом, я принесла конверт в кухню, села за стол и, закутив, разорвала бумагу. На голубоватую столешницу выпал сложенный вдвое листок, развернув который я прочла единственную фразу, набранную на компьютере мелким шрифтом: «Рассчитайся по долгам, иначе пожалеешь».

Матвей

Экскурсия по клинике повергла его в легкий шок. Все выглядело гораздо круче, чем он даже мог себе представить, когда только въехал в ворота и оставил машину на гостевой стоянке. Владелица клиники оказалась к тому же весьма грамотной в деловых вопросах дамой либо нашла человека, который ее консультировал. И здание клиники, и внутреннее устройство, и качество оборудования – все это буквально кричало о том, что сюда вложена такая сумма денег, представить которую Матвей не мог, как ни старался. Где и как такая молодая женщина взяла столько, он даже подумать боялся. «Может, родители какие-то крутые, – размышлял он, садясь в свою довольно уже потрепанную «Ауди». – Но все равно деньги дикие. Хотя... мне-то какая разница, если платить будут и дадут делать то, что я на самом деле хочу».

Выехав на гравийную дорогу, ведущую к трассе, Матвей включил музыку. Его переполняло воодушевление, какого он давно не чувствовал. Уже завтра он вновь окажется в операционной, на том самом месте, где и должен быть, – за операционным столом со скальпелем в руке. И даже не важно, кто будет его первым пациентом – капризная дамочка с «посмотрите, доктор, как вы не видите, мой нос абсолютно кривой» или пострадавший в огне пожарный, которого он видел в коридоре клиники. Это совершенно не важно, потому что Матвей сможет наконец делать то, что он умеет и делает отлично.

Желание стать врачом пришло к Матвею случайно. Его мечтой с самого детства было небо, он хотел пилотировать воздушные суда и всерьез готовился к поступлению в училище, выпускавшее летчиков гражданской авиации. И все бы ничего, если бы не дурацкая травма, полученная так глупо, что даже рассказывать об этом Матвею всегда было стыдно. Мальчишеский форс, желание порисоваться перед понравившейся девочкой – и безрассудный прыжок с обрыва в реку на даче. Прыжок – удар – резкая боль – темнота. Если бы не рыбачивший неподалеку с лодки пенсионер, Матвей мог просто утонуть. Он потерял сознание, крепко ударившись о воду, и пошел на дно, но вовремя сориентировавшийся мужчина быстро сообразил, что к чему, подплыл ближе и нырнул следом, вытащил находившегося без сознания Матвея в лодку и сделал искусственное дыхание.

Придя в себя, Матвей сперва испугался – что скажет на это мама, а потом вдруг почувствовал, как звенит в голове.

– Ну-ка, следи за пальцем, – услышал он как сквозь вату, и перед лицом возник палец, медленно передвигавшийся слева направо. – Та-ак... понятно, – продолжал мужской голос. – Лежи спокойно, вот-вот «Скорая помощь» приедет, побежали друзья твои в поселок, вызовут.

Матвей закрыл глаза. Левая сторона головы была словно бы плотно укутана чем-то звуконепропускаемым, тогда как справа все было вроде как всегда. «Хоть бы никто к нам домой не забежал, – думал Матвей, представляя, как расстроится мама, узнав о том, что с ним случилось. – Лучше бы я сам смог ей объяснить».

Но Ирина Кирилловна успела на берег раньше «Скорой». Ее лицо было бледным, губы тряслись, а на глазах блестели слезы:

– Матвей! Матвей, родной, что случилось? – опустившись на колени возле него, заговорила она дрожащим голосом, боясь прикоснуться к сыну.

– Не волнуйся, – с трудом выговорил Матвей, пытаясь поймать руку матери, чтобы она почувствовала – он жив, с ним все в порядке. – Я уже... все хорошо...

– Похоже, у вашего сына сотрясение мозга, – сказал сидевший рядом с Матвеем мужчина. – Мне кажется, еще и с левым ухом неполадки, но это уже при обследовании более точно скажут. Но кости целы, других травм нет, так что все обойдется.

Ирина Кирилловна подняла на мужчину полные слез глаза:

– Спасибо вам... даже не знаю, что было бы...

– Пустяки. Я врач, это мой долг. А ты, парень, сделай вывод для себя – не всякая Джульетта достойна отчаянных поступков. Твоя вот, к примеру, где сейчас? Правильно, убежала.

Матвей почувствовал, как краснеет. Действительно, Настя могла бы остаться, когда остальные побежали в поселок. Ведь именно из-за нее он решился на этот глупый, в общем-то, спор – прыгнет или не прыгнет. Ну, вот прыгнул, выиграл – только что именно? Левое ухо совершенно ничего не слышит, левый глаз как будто затянуло пленкой, которая делает изображения нечеткими и расплывающимися. А Настя спокойно ушла.

– Как вас зовут? – спросил Матвей, пытаясь повернуться к мужчине, но тот положил ему на лоб прохладную руку:

– Лежи спокойно. Зовут меня Игорь Андреевич, я в прошлом врач-хирург, работал в госпитале.

– Ого... военный врач?

– Да.

– Круто...

– А вот и «Скорая», – словно не расслышав восхищенного возгласа, произнес Игорь Андреевич. На краю обрыва действительно появились две женщины в белых халатах и с чемоданчиком.

Матвея отвезли в районный центр, а через неделю отправили долечиваться в городскую больницу. Игорь Андреевич трижды приезжал навестить его, беседовал с лечащим врачом и объяснял Ирине Кирилловне то, чего она не понимала. А с Матвеем подолгу разговаривал о медицине. Мальчик интересовался всем – и тем, как устроен мозг, и как организм различает тепло и холод, и почему при подъеме температуры краснеет лицо, и еще много других вопросов он задавал Игорю Андреевичу, неизменно получая на них доходчивые и интересные ответы. И именно тогда, проводя остаток каникул на больничной койке, Матвей Мажаров понял – он совершенно не хочет быть летчиком. Он станет хирургом.

Аделина

– Аделина Эдуардовна, дорогуша, ты можешь уделить внимание единственной подруге? – Голос Оксаны в телефонной трубке звучал как-то глуховато, словно она перед этим плакала, хоть старалась говорить с иронией и небрежностью.

«Нет, ну, только не это и только не сегодня!» – взмолилась я мысленно.

Обычно подруга звонила мне на работу, если в ее жизни назревала очередная любовная драма. Оксанка была дамой широких взглядов и своему Всеволоду, или Севе, как мы его называли, изменяла легко и с удовольствием, благо его частые отлучки позволяли делать это. Но Оксана никогда ничего от него не скрывала и даже знакомила иногда с достойными, по ее мнению, ухажерами. Те свободно приходили в их дом, пили вместе с Севкой вино за ужином, играли в карты и даже ходили на его лекции, которые он частенько читал в публичной библиотеке. Когда я слышала рассказы об этом, мне казалось, что я попала в какой-то плохой сериал, сценарии к которым, кстати, писала Оксанка. Правда, денег это не приносило – это была скорее благотворительная деятельность в память об отношениях с одним неудачливым режиссером, который все мечтал, но никак не мог стать великим. Жил он теперь в столице, а к Оксанке наведывался по старой памяти, чтобы порыдать в жилетку, получить моральную поддержку, женскую ласку и тепло и, окрепнув немного психически, снова ехать в Москву и попытаться снять монументальный фильм, который войдет в анналы кинематографа.

Я никак не могла понять – что вообще можно делать рядом с мужчиной, который постоянно ноет, рыдает и жалуется тебе на жизнь, требуя поддержки. Зачем он вообще нужен, если ты для него всего лишь удобный костыль, опора? У Оксаны уже был такой – Сева. К чему заводить любовника, который ничем не отличается от супруга? Да и к чему вообще его заводить?

Но Оксана всегда была в поиске – у нее обязательно имелось два-три резервных кавалера, которыми она жонглировала, как опытный циркач мячиками, и один основной – «любимый человек». Режиссер, кстати, так и оставался много лет в ранге резервных, и лишь изредка Оксана, разозлившись на основного, могла переспать с ним по старой памяти.

Во всех ее отношениях все и всегда развивалось по шаблону. Оксана долго водила кавалера за нос, заставляя поухаживать за собой и не ложась с ним в постель на втором-третьем свидании – тут у нее, надо признать, была собственная позиция, которой она жестко придерживалась.

– Мне необходимо, чтобы мужчина в меня влюбился, – говорила она, встречая очередного «любимого человека». – Чтобы он прямо вот втрескался, чтобы хотел меня, чтобы окружал заботой.

Таких, конечно, в наше время находилось немного. Современные ухажеры, как правило, быстро исчезают в туманной дымке, если на втором и – тем более – третьем свидании дама отказывается от поездки «в номера». Но все-таки находились и любители долгих платонических ухаживаний.

Правда, со временем Оксанка обрушивала на кавалера весь спектр своих проблем, которые он должен был непременно решать, – и это были ее болезни, существующие и мнимые. Оксана обожала ходить к врачам, делала это регулярно и вовсе не потому, что это было так уж необходимо. Как по мне, так единственным ее настоящим недугом была расшатанная психика и, как следствие, обыкновенная распущенность. Во всем – в еде, в эмоциях, в сексе. Особенно, конечно, в эмоциях. Она так гиперболизировала какие-то незначительные ситуации и так много врала, что начинала сама верить в то, что рассказывала. Все попытки «припереть» ее неточностями и несостыковками оканчивались одинаково – слезами, обвинениями в черствости и нечуткости, и я в конце концов просто махнула рукой и перестала принимать ее рассказы близко к сердцу. Равно как и перестала давать ей телефоны своих коллег.

Хуже приходилось ее любовникам. Рано или поздно мужчина уставал от всего этого, набирался духа, высказывал Оксане все, что накопилось, и уходил от нее. Но не тут-то было. Всякий раз, когда любовник предпринимал эту попытку избавиться от нее и обрести наконец покой и свободу, Оксана ложилась в стационар или шла к частному врачу-психотерапевту, практиковавшему рядом с ее домом. Потом делала все, чтобы избранник узнал об этом, – выкладывала жалостные посты в соцсетях, сопровождая это фотографиями рецептов, горы банок на тумбе у кровати или собственных вен, заклеенных пластырем, словом, прикладывала максимум усилий, чтобы вызвать у него нервную дрожь и опасение. Он возвращался на некоторое время, боясь, как бы эмоционально нестабильная Оксана не наделала глупостей, которые непременно лягут черной отметиной на его совесть. Однако каждое последующее возвращение было короче предыдущего, потому что с каждым разом Оксана становилась все более капризной и требовательной, заявляя все больше прав на его свободное и даже рабочее время. Ну, кому понравится, когда твоя женщина старается проводить с тобой абсолютно каждую секунду даже в тот момент, когда ты на работе? К нынешнему избраннику Сергею, преподавателю архитектурной академии, Оксана приходила на занятия, садилась на задний ряд и в перерыве старалась завладеть его вниманием безраздельно, не позволяя даже сигарету выкурить в одиночестве. Она постоянно требовала сообщений, звонков, внимания – так и говорила: «Мне необходимо много внимания, у меня детская травма, и только безраздельное внимание любящего мужчины может хоть немного облегчить мое состояние». Оксана искренне считала, что все кругом ей что-то должны, она же при этом не обязана даже поблагодарить за что-то. Она – маленькая обиженная девочка, и теперь все человечество должно компенсировать ей то, чего ей недодали в жизни. Я, как ни силилась, так и не могла понять, чего именно, – я тоже росла без отца, хоть и с более позднего возраста.

Глядя на эти шаманские пляски, я всякий раз удивлялась: неужели ей самой не противно унижаться перед человеком, которому она абсолютно уже не нужна и, более того, стала просто обузой? Сергей рядом с Оксаной всегда выглядел недовольным, раздраженным и каким-то злобным, мне казалось, что я физически ощущаю эту злобу. Но все мои попытки образумить подругу, разумеется, не имели никакого успеха, скорее, приносили мне кучу обвинений в зависти, нетактичности, грубости и бессердечии.

– Ты никого вообще любить не можешь! – кричала Оксана, сжав кулаки и зажмурив глаза, чтобы, видимо, даже не смотреть на меня. – А я его люблю! Мне без него плохо! Я умру, если он меня бросит!

И все бы это могло показаться нормальным, если бы подобный диалог не повторялся у нас с периодичностью раз в год-полтора. Ровно столько мог продержаться рядом с моей подругой очередной «любимый на всю жизнь» мужчина. Я порой думала, что она к каждому из этих мужчин испытывает примерно одно и то же, просто потому, что так надо. Надо, чтобы рядом был мужчина, – и хоть умри, но держи его всеми мыслимыми и немислимыми способами, ибо быть одной – это неправильно. Все должны быть в парах.

Мне никогда это не было понятно. Все мое свободное время занимала работа, и всяческие попытки мужчин пригласить меня на свидание разбивались как раз об это – мою клинику. Вот уже два года за мной безуспешно пытался ухаживать главный хирург города, и ему даже удалось несколько раз заманить меня под разными предлогами в ресторан и даже на балет. Но я совершенно ничего не чувствовала рядом с ним – мне не становилось ни спокойнее, ни безопаснее, ни веселее – никак. Я ловила себя на мысли о том, что теряю драгоценное время, которое могла бы посвятить, например, переводу найденной в интернете статьи знаменитого американского хирурга о пластике лица после обширных ожогов. Когда я рассказывала об этом Оксане, она только таращила глаза – на большее ее обколотое разными препаратами лицо было не способно – и возмущалась:

– Драгун, у тебя мозги есть? Вот-вот стукнет сорок, а у тебя ни котенка, ни ребенка.

– Можно подумать, у тебя все это есть!

– Я хотя бы замужем.

– Большое достижение, – фыркала я, в душе, как всегда, жалея бедного Севку, голову которого украшали такие ветвистые рога, что им бы любой лось позавидовал.

– Даже не начинай! – предупреждающе говорила Оксанка. – Севка – это святое, это моя вторая половина. Но я его не люблю.

– Тогда какого черта ты с ним живешь?

– А с кем мне жить? Севка обеспечивает тот уровень жизни, который меня в принципе устраивает – ну, по сравнению с тем, например, что мог бы Сергей обеспечить. Куда я уйду? В съемную квартиру? Или к его маме, за которой скоро вообще уход потребуется? Вот еще... У меня и своя мама есть. А Сева – он добрый, он чуткий, он меня любит.

Заканчивался разговор всегда одинаково – я называла Оксанку лицемерной дрянью, которая топчет хорошего мужика, но при этом сама стремится быть растоптанной тем, кому совершенно не нужна, Оксанка орала в ответ, что я фригидная дура и так и останусь старой девой – пора начинать заводить кошек, и мы расставались на неопределенный срок, а именно до следующей Оксанкиной душевной драмы.

Сегодня, видимо, у нее опять что-то случилось, раз она позвонила и спросила, свободна ли я.

– Тебе зачем? – закуривая, поинтересовалась я.

– Посмотри мое лицо.

– А что с ним не так?

– Мне кажется, левая половина какая-то асимметричная.

– Давно уколы делала?

– Деля, при чем тут уколы? Мне кажется, что лицо перекошено! – всхлипнула Оксанка.

– Ладно, приезжай к семи, у меня пациент после операции, до ночи тут задержусь. Пропуск будет на воротах, да они тебя и так знают.

Оксана приезжала ко мне в клинику довольно часто, но я никогда не давала ей возможности стать моей пациенткой и врачам своим запретила. Оксана была из тех, кому дай волю – и через три года вообще не узнаешь. Раньше она обижалась, но потом смирилась и приезжала просто так, не надеясь на процедуры или даже на простую консультацию. Сегодня же я почему-то решила сделать исключение – что-то в голосе подруги мне не понравилось.

За всей рабочей суетой я ухитрилась забыть о полученной накануне странной записке. Собственно, я и не удивилась ее появлению в моем ящике – таких было множество за последние три года. Множество – иногда с указанием сумм, иногда – просто с номерами телефонов или кредитных карт. Но ни разу мне не пришлось в голову пойти с этими записками в полицию. Я отлично знала, чем закончится поход, и дело будет даже не в том, что полицейские поднимут меня на смех, нет. Дело было в Николеньке.

Оксана приехала с опозданием ровно в полчаса. Я никогда не понимала, как она это делает. Если мы договаривались встретиться в определенное время, я всегда точно знала – у меня есть лишних полчаса, если не хочу торчать на улице, как влюбленный школьник. И ведь при этом собираться Оксана начинала примерно за два часа до выхода, но всякий раз ей не хватало именно вот этих тридцати минут, на которые она и опаздывала.

Остановившись на пороге кабинета, Оксана нагнулась и поправила сползшие бахилы:

– Господи, какая грязь на улице... Где это видано – дождь в апреле?

– Что, так и не кончился? – Я подошла к окну и раздвинула плашки жалюзи.

Действительно, весь успевший выпасть снег смыло сегодняшним внезапным ливнем, а температура из минусовой превратилась в плюсовую. Никогда не знаешь, как одеться, потому что к вечеру все гарантированно изменится.

– Да, хлещет как из ведра, – вешая в шкаф пальто, отозвалась подруга. – Дель... посмотри мое лицо, а? – жалобно попросила она, подходя ко мне. – Я знаю, ты принципиально этого не делаешь, но я так испугалась...

Я со вздохом убрала пальцы с жалюзи, и плашки с шумом вернулись на место.

– Что случилось?

– Я проснулась утром, и мне показалось, что левая половина лица ничего не чувствует.

– Может, просто отлежала? Так бывает после сна.

Я повернула подругу лицом к свету и внимательно вгляделась в ее лицо. Действительно, мне вдруг показалось, что с левой стороны носогубная складка стала резче, а уголок рта – выше.

– Так, ну-ка, идем в процедурный кабинет, я лампу возьму.

Оксана шла за мной, и я слышала, как шумно она дышит.

– Реветь только не вздумай, пока еще ничего не понятно, – предупредила я, открывая дверь в процедурку. – Садись к столу.

Оксана утнездилась на табурет у столика с инструментами, а я, придвинув стул, надела на лоб лампу-рефлектор. В принципе, она уже была мне не нужна – асимметрия лица была видна невооруженным глазом, я просто хотела убедиться.

– Ты давно колола что-то в лицо? – ощупывая кожу, спросила я.

– Неделю назад.

– Где?

– Где всегда. А что? – насторожилась Оксана.

– Ничего. Название препарата знаешь?

– Да что я, спрашиваю, что ли?

– А ты нормальная вообще? Ты не знаешь, какое количество некачественных препаратов крутится на рынке косметологии? И потом – ты знаешь, какая квалификация у врачей в этой шарашкиной конторе? То, что у них какие-то сертификаты по стенкам наклеены, вообще ничего не значит. Ты проверяла, есть ли там хоть у кого-то медицинское образование, а?

– Ну, понятно – у нас же в городе единственная клиника – твоя! – взвилась Оксанка. – Да вот только мне в ней никаких услуг не оказывают!

– Ну, сейчас-то ты здесь сидишь, – спокойно отозвалась я, снимая со лба лампу. – И завтра тоже сюда приедешь, покажу тебя неврологу, как раз у него консультации назначены, здесь будет.

– Неврологу? Зачем?

– Надо исключить все варианты, в том числе и неврологические.

– Деля, не пугай меня, – взмолилась Оксана. – Это серьезно?

– Это может быть серьезно. Я потому и говорю – завтра сюда придет невролог для консультаций, и я тебя ему покажу.

– Сколько эта консультация стоит будет?

– Тебе бесплатно.

– Нет, я так не хочу. Мой психотерапевт говорит: «Лечиться даром – это даром лечиться».

– Твоему психотерапевту не мешало бы перечитать клятву Гиппократы. Я же сказала – бесплатно. Ты сейчас куда?

– Домой. Такси надо вызывать.

– Зачем? Я на машине. Посидишь у меня в кабинете пока, я пойду мальчика проверю, и поедем.

Дорога до города занимала обычно около сорока минут и в будние дни часто бывала забита большегрузными машинами. На этом участке располагался довольно большой отель, в котором останавливались дальнбойщики, потому даже ночью можно было увидеть припаркованные на обочине фуры, так как места на парковке хватало не всем. Сегодня же было уди-

вительно пусто, словно всех смыло так и не прекратившимся дождем. К ночи подморозило, и дорога превратилась в каток, я вцепилась в руль и старалась вообще не отвлекаться ни на что, чтобы, не дай бог, не потерять управление. Зимнюю резину я уже успела снять, рассчитывая, что гололеда больше не предвидится. Но природа, как известно, любит иногда вот так пошутить. Машину то и дело заносило, пришлось сбросить скорость до минимума.

– Ну и погода, – пробормотала Оксана, вцепившись в ремень безопасности.

– Будем ехать долго, – сказала я, глянув на спидометр. – Не могу позволить себе разбиться, у меня завтра сложная операция.

– И всегда о себе.

– Прости, забыла – мои проблемы обсуждать нельзя, у меня же их нет, не то что у тебя, правда?

Оксана умолкла, а я вдруг подумала о том, что дома, возможно, меня опять ждет какая-нибудь неприятность. Знать бы еще, какая именно и откуда.

– Ты о чем? – спросила Оксана.

– В смысле?

– Что значит – какая и откуда?

– Неприятности у меня, – коротко ответила я, но подруга вдруг проявила интерес:

– Деля! В чем дело, а?

– Оксан, ты ничем не поможешь, а лишние люди в такой ситуации могут только помешать.

– В какой ситуации? – напирала она. – Деля, послушай. Может, я не самый чуткий человек, но ты моя подруга, я не хочу, чтобы ты замыкалась и решала что-то в одиночку. Рассказывай.

И я сдалась. Мне действительно было тяжело носить это в себе много лет, и я понимала, что одна точно не справлюсь. Правда, чем мне может помочь Оксана, у которой ни связей, ни денег? Только сочувствием и, может, моральной поддержкой, но и это уже кое-что.

Выслушав мой рассказ, подруга помолчала, прикидывая что-то в голове, а потом сказала:

– Деля, у нас с Севой есть немного денег, мы их тебе дадим.

– Спасибо, дорогая моя, мне очень приятно, что ты готова помочь. Но ты даже не представляешь, какая это сумма, – вздохнула я.

– Ну и что. Будет уже меньше.

Я молчала, глядя на дорогу. Оксана даже представить себе не могла масштаба бедствия. Чтобы покрыть долг, мне придется продать квартиру, машину, обе почки и, может, часть печени. И этого все равно не хватит.

Остаток дороги мы преодолели в молчании. Уже собираясь выходить из машины, Оксана вдруг повернулась ко мне, обняла и сказала:

– Паркуй машину, идем к нам. Не надо тебе домой сейчас. Давай, Деля, я серьезно.

И я вдруг поняла, что она права – я не могу сейчас поехать к себе, войти в пустую квартиру, сжимая в руке очередной конверт, и остаться там наедине со своим ужасом и безысходностью. А в небольшой квартирке Оксаны я смогу уснуть на диване в гостиной, провалиться в сон и забыть хоть на время о неприятностях. И даже разговор в кухне с Севой поможет мне куда лучше, чем снотворное и успокоительное.

– Мне на работу завтра, даже переодеться не во что, – вяло сказала я, но Оксана, почуяв слабость, усилила натиск:

– Ничего, белье постираешь, ночную рубашку дам, косметики у меня вагон, сама знаешь. Все, Деля, едем на парковку.

И я сдалась окончательно.

Анна

Клиника стала моим домом. Это не фигура речи, это в буквальном смысле. К себе, в крошечную комнатку на окраине, я уезжала только ночевать, потому что делать это в клинике было запрещено – работники пищеблока не дежурят, они приходят утром и уходят в пять часов вечера. Но я всегда находила предлог, чтобы задержаться – то корректировала меню, то проверяла заказы продуктов, то устраивала инвентаризацию или просто переставляла посуду и кастрюли. Я никому не хотела признаваться в том, что мне страшно возвращаться в пустую комнату, где я вынуждена буду остаться наедине с собой и своими мыслями.

Мое на первый взгляд уютное жилище вовсе не было гнездышком, в которое хочется вернуться вечером. При всей внешней благополучности это место внушало мне страх. И никакой ремонт, никакая мебель и милые картинки на стенах не могли избавить меня от этого ощущения. Я боялась собственной комнаты, как будто каждый приход туда вновь ввергал меня в тот ад, из которого я с таким трудом вырывалась долгие пять лет. Пять лет жизни, положенные на то, чтобы подняться со дна наверх, глотнуть свежего воздуха и начать вновь плавать, а не тонуть.

Аделина, когда я однажды призналась ей в этом, только усмехнулась:

– А никто не говорил, что тебе будет легко. У каждого свой персональный ад, Аня, и с этим нужно учиться справляться. Если сможешь – все будет хорошо, нужно только время.

– Сколько? Сколько должно пройти времени, чтобы я сумела справиться?

– Ну, кто же знает? Это было бы слишком просто.

– А ты? У тебя есть свой персональный ад?

Аделина прищурила свои прозрачные глаза и сухо бросила:

– Я же сказала – он есть у каждого. И давай закроем эту тему.

Меня всегда удивляло в ней вот это – умение сказать нужную вещь и тут же замкнуться, опустить бронированную штору, не оставив ни единой щели, чтобы никому не удалось проникнуть туда, внутрь. За те пять лет, что мы знакомы, я так и не смогла понять, что собой представляет Аделина Драгун. Нет, я знаю, что она блестящий хирург, талантливый руководитель и умелый организатор, но что она за человек... Аделина могла прийти на помощь и тут же замкнуться в себе от любого проявления благодарности. Коллеги ее уважали, но, как мне кажется, побаивались и не особенно любили. Но не признавать ее таланта не могли, потому что ее работа – наглядная. Если я пересолю, к примеру, суп, это будет заметно, но не смертельно. А если у Аделины дрогнет рука – кто знает, как потом изменится человеческая жизнь. Моя вот изменилась в лучшую сторону. Я не боюсь смотреть на себя в зеркало – это, пожалуй, то небольшое, чего я больше не боюсь благодаря ей.

Так что я твердо знаю – руки Аделины способны вернуть человеку веру в себя и дать ему новую жизнь. Как мне.

– Анна Александровна, это вы тут шебуршите? – Я даже подпрыгнула, уронив от неожиданности на пол миску, которую как раз переставляла на нижнюю полку. Металлическая посуда с грохотом покатила под стеллаж.

– Черт тебя... – выругалась я, опускаясь на колени.

С другой стороны стеллажа раздалось недовольное сопение, и через секунду я увидела на уровне нижней полки лицо начальника ночной смены охраны Бориса Евгеньевича – красную усатую физиономию с выцветшими голубыми глазами и веселой ухмылкой, словно приклеенной к губам.

– Вон она, в самый угол закатилась, швабру надо или палку какую, – проговорил он, указывая пальцем на едва видневшуюся в темноте миску.

– Вы меня напугали.

– Ну, я ж не хотел. Датчик движения сработал, я и забыл, что вы еще не уходили, автоматически поставил на слежение.

– Да, я тут порядок наводила.

– Вы вставайте, я сейчас помогу достать, с моей стороны удобнее.

Начальник охраны поднялся и пошел к шкафу в коридоре, где хранился инвентарь для уборки, вернувшись оттуда со шваброй.

– Вот так... – Миска выкатилась мне под ноги. – Вы долго еще тут будете?

– Сейчас закончу уже. Я вам мешаю?

– Нет, конечно. Я сам виноват – забыл. Делайте что надо, потом только скажите, что уходите, я снова датчик включу. – Борис Евгеньевич повернулся и пошел к выходу, но задержался на секунду: – Может, вас потом до дома проводить нужно? Я могу кого-нибудь из ребят на машине отправить. Чего вы по темноте будете...

– Нет-нет, – поспешно отказалась я. – Спасибо, я весь день в этом полуподвале, хочу на ночь воздухом... ну, словом, не нужно.

Борис Евгеньевич пожал плечами и ушел, а я поставила миску в раковину, включила воду и, опустив в нее руки, задумалась. Почему я так боюсь мужского внимания? Любого, даже такого, как проявил сейчас начальник охраны? Он ведь ничего особенного не предложил – наоборот, мне как женщине должно бы быть приятно, что человек заботится о том, как я буду добираться домой по темным улицам, живу-то на окраине. Но мне сама мысль о том, что придется оказаться в одной машине с кем-то из охраны, казалась невыносимой. Умом я понимала, что никто из парней не станет приставать ко мне, но внутри все сжималось в комок, завязывалось в тугую узел и дрожало, как то самое желе, что я готовила сегодня днем для персонала. Наверное, с этим мне придется прожить остаток жизни, и никакие беседы с психологом тут не помогут, потому что и психолог у нас – мужчина. И я не могу быть с ним откровенной, он внушает мне тот же страх, что любой другой мужчина. Кстати, я и не хожу к нему уже больше месяца, просто Аделина еще об этом не знает. Рассердится, конечно, но я ничего не могу с собой поделать.

Мысли мои вдруг повернули к новому хирургу. У него было такое лицо... Я не знаю, какие критерии применяются при оценке мужской внешности, но этот Матвей Иванович казался мне нечеловечески красивым, необыкновенным. И от него почему-то не исходило того ощущения угрозы, что я инстинктивно чувствовала от любого мужчины, даже от пожилого начальника охраны.

– Интересно, что он написал в предпочтениях, – пробормотала я, domывая миску. – Я даже не посмотрела, надо же...

Обычно я так не делала, всегда сразу же брала блокнот и внимательно читала все, что написал новый сотрудник. Мы с Аделиной условились – наши врачи, медсестры и охранники должны получать то, что любят, питаться так, как привыкли или как хотели бы, но не могут себе позволить вне стен клиники. Ну, бывает ведь такое, что человек хочет соблюдать какую-то диету, а в домашних условиях просто не может этого сделать. А здесь, в клинике, я без проблем могу готовить любые блюда и следить за тем, чтобы не происходило срывов. Так, к примеру, на раздельном питании находились операционная сестра Лиза, анестезиолог и палатная медсестра Инна, и я следила, чтобы им на стол не попадало, допустим, мясо с ненадлежащим гарниром. Один из хирургов ел только рыбу, второй был отчаянным мясоедом, а старшая сестра – вегетарианкой, и все это мне совершенно не трудно было им обеспечить. И довольные лица людей, выходивших из столовой, были для меня лучшей наградой. Уж что-что, а готовить я умею и люблю, было бы кому все это есть.

Но, едва я открыла блокнот, как затрезвонил мобильник, и я ответила на звонок.

– Привет, Анютка, – раздался мужской голос. – Как твоя кулинария?

– Привет. Все в порядке.

- А ты не дома еще? Стою у подъезда, твое окно темное.
- Нет, я еще на работе. А ты по делу?
- А ты еще помнишь про дело?
- Вот это было как раз то, чего я боялась.
- Помню. Но я же тебе сказала – мне пока сложно... мало времени прошло...
- Анька, ты не темни. Хочешь соскочить?
- Нет-нет, я же обещала... просто...
- Короче, Нюточка, ты там пошевеливайся, так для всех будет проще и лучше. Чем быстрее ты все сделаешь, тем меньшие потери понесет дорогой тебе человек. То есть я. Усекла, подружка?
- Да...
- Тогда я тебя дожидаться уже не буду, все, что хотел, сказал. А чаю в другой раз попьем, да? Коврижку-то испечешь мне?
- Да... – механически ответила я и услышала в трубке сперва добродушный смех, а потом оглушающую тишину, от которой веяло ужасом и беспросветным одиночеством.

Матвей

Утро снова обрело для Матвея смысл. Не работая, он почти физически страдал и не мог найти причины, чтобы вставать с постели. Но теперь, когда его снова ждала операционная, Матвей с легкостью вскакивал в шесть утра, делал зарядку, принимал душ, готовил себе завтрак и мчался на парковку. Его ждали люди, которым он был нужен, и это бодрило не хуже кофе. А таких людей было много. Матвей не пренебрегал никакими операциями, относился одинаково ответственно и к коррекции формы носа, и к восстановительной пластике, хотя вторая была ему, безусловно, ближе. Он знал, что никто не просыпается утром с мыслью, что именно сегодня его мир вдруг взорвется. И если вдруг это происходило, он, Матвей, мог помочь свести визуальные последствия к минимуму. Внешность играет далеко не последнюю роль в качестве жизни, и не важно, женщина это или мужчина. Никто не хочет жить с безобразными рубцами на лице. А если приходится делать это долгое время, в человеке что-то ломается. Он начинает иначе смотреть на привычные вещи, иначе относиться к себе и окружающим, и жизнь его меняется. Чтобы стать прежним, требуется операция. Если рубец слишком толстый, хирургу необходимо срезать его до образования новой раны. И человеку нужно снова сломать себя, чтобы потом начать жить заново и стать собой. Или стать лучше.

Эти мысли посещали Матвея по дороге на работу, все время, что он проводил в ординаторской и на пути в операционную. Но как только он включал кран и брал в руки щетку, чтобы начать мыть руки, как из головы исчезало все лишнее и оставался только план операции – четкий, точный, с картинками «до» и «после».

Он чувствовал, как за ним наблюдают. Все – от повара до администратора. Матвей понимал – новый сотрудник в коллективе всегда вызывает повышенный интерес. Единственным человеком, которому, казалось, было все равно, оказалась владелица клиники. Иногда они вместе оказывались в предоперационной, мыли руки рядом, но Аделина не задавала вопросов, не интересовалась пациентом Матвея – она просто молча орудовала щеткой, споласкивала руки и, подняв их вверх, спиной вваливалась в соседнюю операционную. Правда, справедливости ради стоило сказать, что и к другим врачам на испытательном сроке Драгун относилась ровно так же, это Матвей выяснил из разговоров в ординаторской.

– Она читает протоколы операций, ей достаточно, – сказал один из хирургов, когда речь зашла об этом.

– И что же – совершенно все равно, каков хирург вне операционной?

– Абсолютно. Она людей оценивает исключительно по профессиональным качествам.

– Наверное, это правильно, – согласно кивнул Матвей. – А как вообще у вас принято – если прошел испытательный срок, то не возбраняется пригласить коллег на вечеринку?

– Это приветствуется, – рассмеялся анестезиолог, отрываясь от игры в телефоне. – Мы всегда «за», но шефиня проигнорирует.

– Почему?

– Она предпочитает не сближаться ни с кем из подчиненных, такое у нее правило.

– Даже если ее персонально пригласить?

– Дохлый номер, – уверенно ответил анестезиолог. – Она кивнет, но не придет, проверено.

– Ну, это дело хозяйское, – пожал плечами Матвей. – Тогда давайте в субботу посидим, идет?

Возражений не последовало, и в ближайшую субботу Матвей накрыл поляну в своем любимом баре. Вечеринка удалась на славу, все крепко выпили, душевно поговорили, и Матвей понял – его приняли в коллектив. Были все – кроме Аделины и повара Ани. Это Матвея удивило – ему показалось, что он ей понравился, потому что при каждой встрече Аня краснела

и опускала глаза, торопясь проشمгнуть мимо. Отсутствие поварихи его даже огорчило, ему хотелось узнать Аню поближе. Когда же Матвей спросил об этом у анестезиолога Сергея, тот удивленно посмотрел на него и произнес:

– А ты не знаешь?

– Чего?

– Анька никогда никуда не ходит.

– Чего ж так?

– Точно не знаю. Но если нет Аделины – Аньки тоже не будет.

– Странная дружба.

– Анька ее боготворит, – выливая остатки водки в рюмку, сказал Сергей. – Уж не знаю, почему так, но она за Драгун глотку порвать готова, так что ты при ней особо начальницу не критикуй.

Матвей молча кивнул. Он вообще никогда не обсуждал начальство с кем бы то ни было ни на одной из своих работ. Но фразу про повариху запомнил.

Домой он вернулся сильно пьяным, едва сумел открыть дверь и, побросав одежду на пол, решил принять душ. Вынимая из шкафа полотенце, он вдруг наткнулся рукой на какой-то плотный конверт, потянул к себе, тот упал, и на пол из него высыпались фотографии. Присев на корточки, Матвей с трудом сфокусировал взгляд на одном из снимков и вдруг взвыл по-звериному, запрокинув голову. Хмель сняло как рукой...

Он привык считать, что все кончилось, прошло, отболело, возможно, потому и хранил этот конверт, а не сжег, как все, что связывало его с тем периодом жизни. И вот в самый неподходящий момент оказалось, что не так все просто. Два года жизни не вычеркнешь из жизни, как неудачную фразу, не сотрешь, как карандашный набросок.

Вика. Два года кошмара, сумасшествия, страсти, слез, истерик, даже драк – и два года самых счастливых эмоций, переполнявших Матвея до краев. Этот гремучий коктейль едва не стоил ему карьеры.

– Нет, – процедил Матвей, комкая снимок в руке. – Не в этот раз, дорогая. Теперь – нет.

Он собрал все фотографии, методично разорвал каждую и, скинув обрывки в конверт, отнес в ванную, где, достав зажигалку, поджег и долго смотрел на то, как превращается в пепел его прошлое. Пусть не все, но некоторая его часть.

Аделина

Меня считали везучей – ну еще бы, мама – известный хирург, заведовала отделением лучшей в городе больницы, одно время даже занимала должность профессора на кафедре хирургии, однокурсники, когда узнали об этом, считали, что передо мной открыты все двери, даже напрягаться не нужно. И я ни за что не доказала бы никому из них, что мама была единственной, кто категорически возражал против моего поступления в медицинский институт. Она так и заявила, когда услышала мою просьбу нанять репетиторов по химии и биологии:

– Это совершенно ни к чему. Ты не сможешь стать врачом, Деля.

– Но почему? – недоумевала я, «лечившая» кукол и плюшевых зверей лет с пяти.

– Потому, дорогая, – присев к краю моего письменного стола, заваленного книгами по биологии и конспектами по химии, сказала мама, – потому, что у тебя нет, к сожалению, для этого ни способностей, ни данных. Ты моя дочь, и будет лучше, если я тебе скажу правду сейчас, чем ты потратишь шесть лет в институте и два в интернатуре, прежде чем кто-то другой скажет тебе об этом. Я тебя очень люблю, Аделина, но врачом тебе не стать никогда. Пока есть время, подумай о другом институте.

Я сидела, опустив голову, и видела только мамины руки – руки хирурга с чуть сморщенной от постоянного мытья и соприкосновения с перчатками кожей. Эти руки в буквальном смысле вытащили с того света сотни людей, вернули им жизнь и надежду на будущее. Ту самую надежду, которую сейчас у меня она отбирала.

Я не стала спорить, чтобы не огорчать маму – она вернулась с дежурства и выглядела уставшей, а ей еще предстояло увидеть запись от классной руководительницы в дневнике у Николеньки. И я решила, что буду добиваться всего сама, чтобы в конце концов доказать маме, как она ошиблась во мне.

Тайком от мамы я посещала подготовительные курсы при медицинском институте, зарабатывая деньги для их оплаты мытьем полов в поликлинике. Мама думала, что я в это время сижу в библиотеке и готовлюсь к поступлению на факультет психологии местного университета. На самом деле я в страшном сне не могла представить себя в роли психолога, душевные недуги людей интересовали меня куда меньше телесных.

При подаче документов в институт я столкнулась с определенными сложностями. Моя фамилия заинтересовала председателя приемной комиссии, и он, сдвинув очки на кончик носа, спросил:

– Майя Михайловна Драгун – ваша мама?

Краснея и чувствуя себя предателем, я отрицательно покачала головой, не желая пользоваться протекцией. Председатель, кажется, поверил. Как потом оказалось, на личные дела детей врачей клеилась специальная метка, но на моем такой не было. Я сдавала только биологию, хотя и готовилась на всякий случай к химии тоже – золотая медаль давала такую привилегию, но сдать этот единственный экзамен нужно было только на «отлично». Как говорили в кулуарах, если медалист срезался на биологии, шансов у него почти не оставалось – сдать химию уже мало кто мог. Но я была готова и к этому, хотя рассчитывала все-таки на положительный результат.

Так и вышло – вытянутый билет я знала в совершенстве, хотя вопросы попались сложные. Но в критических ситуациях мой мозг всегда соображал лучше, потому заслуженное «отлично» в экзаменационном листе появилось, а я автоматически стала студенткой первого курса медицинского института по специальности «лечебное дело». Мама узнала об этом последней.

В день зачисления я позвонила ей на работу и сообщила новость. Мама долго молчала, и в этом молчании я четко слышала неодобрение и одновременно гордость за то, что я все-таки проявила характер.

– Ну, что ж, – произнесла мама, видимо, внутренне приняв известие и поняв, что от нее уже ничего не зависит. – Я тебя поздравляю. Но тебе предстоит долгий и тяжелый путь, Деля. И я буду рада, если ты не разочаруешься.

Это было все, что она сказала по поводу моего выбора профессии. Никогда в жизни мама не помогала мне, не интересовалась учебой, не устраивала на практику. Она дала мне шанс сделать все самостоятельно, за что я всегда буду ей благодарна. И в институте я была просто отличная студентка Аделина Драгун, а не дочь известнейшей Майи Михайловны. За моей спиной, конечно, шептались, но я не обращала внимания, потому что знала – все, что я имею, сделано и добыто моими руками и головой, а не благодаря протекции мамы.

В интернатуру я тоже попала не потому, что мама подняла какие-то связи, а потому, что мной заинтересовался главный врач одного из лучших стационаров города. Меня взяли в челюстно-лицевую хирургию и в наставники назначили одного из опытных хирургов – Павла Одинцова. Он сперва отнесся ко мне довольно скептически, но через некоторое время стал смягчаться. Я работала старательно, училась каким-то премудростям, о которых не узнаешь в институте, овладевала навыками, о которых прежде не слышала, и мне нравилась наглядность нашей работы. Мы не просто собирали сломанные челюсти и восстанавливали лицевые кости – мы возвращали людям надежду. Меня все больше интересовала пластика, я много читала и старалась не пропустить ни единой лекции, ни одного семинара по интересующей меня теме. Одинцов посмеивался, но всегда приглашал с собой в операционную, если вдруг появлялся интересный пациент. Я ассистировала ему все чаще, многому училась и была благодарна за его отношение ко мне. Незаметно мы с Павлом сблизились настолько, что как-то вполне естественно наша совместная работа переросла в роман. Я даже ездила с ним на охоту – Павел оказался страстным любителем побродить по лесу с ружьем. Я к огнестрельному оружию была равнодушна, но возможность побыть вместе упускать не хотела.

Это случилось на закрытии сезона охоты на уток. Случайный выстрел, стрелок даже не видел, куда стреляет, и вот мы в операционной – Павел на столе, а я под дверью. Пуля попала в правое плечо, прошла рядом с сосудисто-нервным пучком, и возникла опасность, что рука Павла не будет функционировать так, как раньше. Заведующий отделением хирургии, которого вызвали специально ради этой операции, осторожничал и прогнозов не делал.

– Поезжай-ка ты домой, – сказал он, похлопав меня по плечу. – Отдохни, на тебе лица нет, а он все равно в реанимации, и я распорядился тебя туда не пускать.

– Почему? – недоумевала я, мечтая только об одном – быть как можно ближе к Павлу.

– Потому! – отрезал хирург. – Все, Аделина, уезжай.

И я уехала.

Ночью мне было не до сна – я читала все, что только нашла в нашей домашней медицинской библиотеке о повреждениях плечевого сплетения и его ветвей. Прогноз вырисовывался неблагоприятный... Подобное повреждение рабочей руки у хирурга ничем хорошим закончиться не могло, и я даже представить боялась, что будет, когда Павел очнется и поймет, что произошло. И я непременно должна быть рядом с ним, должна поддержать его.

Еле дотерпев до шести утра, я пробралась в кухню и поставила на плиту джезву, быстро сделала бутерброд. За этим завтраком меня застала мама:

– Ты что так рано?

– Мне нужно...

Я не могла признаться маме в том, что тороплюсь в реанимацию к раненому любовнику. Я не говорила ей о своей связи с Павлом, даже не знаю почему. Возможно, отчасти потому, что мама вообще довольно редко интересовалась моей жизнью, все ее мысли были заняты все

больше отбивавшимся от рук Николенькой, а я... Ну, что я? Окончила институт с красным дипломом, сама попала в прекрасную интернатуру, мне предлагают учиться дальше с перспективой защитить диссертацию и впоследствии стать преподавателем – так что обо мне беспокоиться? А о личном в нашей семье вслух говорить вообще было неприлично. Мама после развода поставила на себе крест и ушла целиком в работу, и ей, кажется, даже в голову не приходило, что у меня, к примеру, тоже могут быть какие-то отношения. И не потому, что она считала меня ребенком, нет. Мама придерживалась мнения, что хирург должен отдаваться работе полностью, и всерьез считала свой брак ошибкой.

– Я сделала бы куда больше, если бы не вышла замуж, – не раз говорила она, даже не понимая, какую рану наносит мне – выходило, что мы с Николенькой стали помехой для ее амбиций.

– Почему в кабинете свет горит? – садясь за стол, спросила мама.

– Это... кое-что почитать нужно было, – наливая ей кофе, ответила я.

– У Николеньки собрание в школе. – Мама как-то рассеянно размешивала сахар в кофе и, казалось, думала о чем-то совершенно другом.

– Ты успеешь? Или мне пойти? – Меньше всего на свете мне хотелось идти в школу к брату и выслушивать жалобы его учителей, но у мамы был такой усталый вид и такие синяки под глазами, что мне стало стыдно.

– Нет-нет, не нужно, я сама...

Бросив взгляд на часы, я поняла, что нужно торопиться, и виновато пробормотала:

– Мамуль, мне пора... вечером поговорим, ага? – Я чмокнула ее в щеку и побежала одеваться.

Павла уже перевели на этаж, я опоздала всего на полчаса и застала его уже в одностойной палате, бледного, с уложенной в повязку правой рукой.

– Как ты себя чувствуешь? – присев на край кровати и поправив одеяло, спросила я.

Павел, не открывая глаз, пробормотал:

– Раненым в рабочую руку.

– Паша, тебя прооперировали, все будет хорошо, мне заведующий сказал.

– Да? Что еще тебе сказал заведующий? Что через пару недель я снова смогу оперировать?

– Ну, не через пару недель, конечно, но сможешь. Я всю ночь читала...

– Не сомневаюсь, – с неприкрытым сарказмом перебил меня Павел. – Как не сомневаюсь в том, что ты теперь запросто можешь сама оперировать все повреждения плечевого сплетения. Ты ж талантливая у нас.

– У кого – «у вас»?

– Хватит, Аделина, не надо. Я сам хирург и прекрасно понимаю, что и к чему.

– Давай мы пока не будем это обсуждать. Сейчас главное – реабилитация. Хочешь, я поищу специалиста?

– Сейчас я хочу, чтобы ты пошла на обход и осмотрела всех моих больных. А после трех придеешь и отчитаешься. Все, иди. – И он отвернулся к стене.

– Паша... – попробовала возразить я, но он, как и заведующий вчера, твердо сказал:

– Иди, Аделина. – И я сдалась, потому что поняла – дискуссии не будет.

Возможно, ему просто нужно побыть наедине с собой, привыкнуть к мысли о том, что на восстановление уйдут долгие месяцы, и все это время он будет оторван от работы, а для хирурга это невыносимо. Есть только то, что есть. И уже ничего невозможно изменить. И я пока ничем не смогу помочь ему, а буду только напоминать о произошедшем.

Тогда, много лет назад, мне казалось, что хуже этого уже ничего никогда не будет – когда ты видишь, как страдает твой любимый человек и как отталкивает твою руку, протянутую, чтобы помочь. Но нет – жизнь потом не раз доказывала мне, что я ошибалась. И вот снова я загнана в угол, испытываю бессильную злобу и мучаюсь от невозможности что-то изменить. Эти записки о долгах идут нескончаемым потоком, я боюсь открывать почтовый ящик и ящик электронной почты, я ловлю себя на том, что постоянно оглядываюсь и вздрагиваю от любого звука за спиной. И нужно как-то брать себя в руки, потому что рано или поздно мое состояние начнет сказываться на операциях. А я не могу допустить этого, никак не могу. Моя клиника – это место, куда люди приходят в надежде на помощь, и я не имею права не оправдать этих надежд. Но я не могу и перестать думать о том, что в скором времени, возможно, я уже не смогу делать этого, не смогу оперировать, не смогу помогать – мне будет просто негде делать это. И я подведу не только своих коллег-врачей, я подведу пациентов – и это то, отчего хочется орать не своим голосом.

Анна

Меньше всего на свете мне хотелось куда-то идти и с кем-то встречаться. Но я обещала. Обещала человеку, который остался у меня единственной связью с прошлым – не с тем, которое я хотела бы забыть, а с тем, что иногда заставляло меня улыбаться и знать, что когда-то и я была счастлива. Миша, веселый, жизнерадостный, всегда умевший найти хорошее даже в плохом, Миша, защищавший меня и поддерживавший. Миша, в которого я когда-то давно была тайком и совсем по-детски влюблена. Я навсегда запомнила его таким, как тогда, в подростковом возрасте, когда впервые увидела. Светловолосый, синеглазый и широкоплечий, в неизменной полосатой футболке с красным воротничком и синих джинсах – он всегда возникал в моей памяти только таким, без этого приобретенного теперь хищноватого выражения лица, без вечного прищура в глазах. Я старалась не замечать изменений, произошедших с ним, не видеть, что из добродушного паренька Миша превратился в человека, для которого главное – деньги. Я не хотела знать его таким. Но у меня просто нет выбора, я должна помогать ему, как он в свое время помог мне.

Набрать телефонный номер я себя все-таки заставила, но, услышав голос, так и не смогла выдать ни слова. Но мой собеседник, конечно, понял, кто звонит:

– Анечка, добрый вечер. Так рад, что ты позвонила. Хочешь – встретимся?

«Нет, не хочу, – рвалось у меня откуда-то изнутри. – Не хочу, как не хочу звонить тебе и видеть тебя». Но я хорошо понимала – сказать это невозможно. Нужно брать себя в руки.

– Да, хочу. Можно, я к тебе приеду?

– Приезжай. Только у меня, кажется, холодильник пустой.

– Я не хочу ужинать. – Нет, так не годится, нужно побольше заботы в голосе, побольше мягкости. – Но я очень хочу тебя увидеть, соскучилась. А ты, наверное, голодный сидишь, раз в холодильнике пусто?

– Ну, там не то что... наверное, есть яйца, молоко какое-нибудь...

– Прекрасно. Я сейчас приеду и посмотрю, что можно сделать.

Придется заехать в супермаркет, мужчина должен быть сыт.

Примерно через час я оказалась в другой части города, стояла с большим пакетом, полным продуктов, у кирпичной девятиэтажки и нажимала кнопки домофона. Вот и дверь квартиры на пятом этаже, она открыта – меня там ждут. Переступив порог, я почувствовала странный запах, от которого слегка закружилась голова. Значит, он снова курит травку, а ведь обещал не делать этого.

– Ань, я в кабинете, – раздался его голос из глубины квартиры, и я, сбросив туфли, прошла сперва в кухню, встретившую меня горой посуды в раковине, а затем в кабинет – длинную узкую комнату с никогда, кажется, не поднимавшимися плотными шторами изумрудно-зеленого цвета и огромными шкапами от пола до потолка, тянувшимися вдоль стен. За столом у окна сидел молодой мужчина с всклокоченными волосами, одетый в грязную серую футболку и спортивные брюки. Перед ним стояла пепельница и большая кружка, в тонких длинных пальцах тлел косячок.

– Ты ведь обещал, – укоризненно произнесла я, глядя на зажатый в пальцах косяк.

– Ой, да брось! – отмахнулся мужчина. – Это же трава, ничего страшного.

– Не говори глупостей. – Я приблизилась и решительно отобрала остаток, унесла его в туалет и спустила воду в унитазе.

– Весь кайф обломала, – со вздохом констатировал за моей спиной Гек – так его называл Миша.

– Тебе достаточно. Идем лучше в кухню, я тебе что-нибудь приготовлю.

– Нет, сперва мы идем лучше в спальню, и там я тебе кое-что покажу, – ухмыльнулся он, довольно бесцеремонно запустив обе руки мне под футболку.

В такие моменты я всегда четко понимала – все, что угодно, но я никогда не окажусь на панели, не смогу преодолеть это мучительное чувство, когда приходится отдавать свое тело тому, кто не вызывает в тебе никаких эмоций, кроме тошноты. Хотя... то, что я делаю сейчас, мало чем отличается от торговли телом на улице. Ничего, скоро все это закончится. Я больше никогда не буду делать того, что мне противно, Миша обещал...

Я не раз ловила себя на том, что никогда не открываю глаз, пока мы с Гekom в постели. Никогда – что бы ни происходило, словно боюсь увидеть себя со стороны. Гек хороший любовник, но внутри у меня такая пустота каждый раз, что, кажется, толкни он меня – и услышит гулкое эхо. Я ничего к нему не чувствовала, даже тяги не испытывала, но отказать не могла. Миша вполне конкретно сказал – чтобы вела себя так, словно влюблена в него по уши. Если бы не Миша... если бы не мое обещание помочь, я ни за что не оказалась бы в этой квартире, такой большой и запущенной, хотя, видимо, когда-то она была уютной и ухоженной. И почему-то вдруг мне захотелось навести здесь порядок – не знаю почему, но я дала себе обещание, что в субботу приеду сюда и буду весь день мыть, чистить, вытирать пыль. Человек не должен жить в таком запустении, пусть даже это не самый лучший человек.

– Ты в субботу что будешь делать? – спросила я, так и не открывая глаз, когда Гек, вытянувшись рядом со мной, взял меня за руку.

– Не знаю, не решил еще.

– Можно, я к тебе приеду?

– Зачем ты спрашиваешь? Приезжай. Если погода хорошая будет – погуляем, тут у нас парк хороший.

– Я хочу в квартире убратся.

– Зачем? – удивился Гек, ложась на бок и подпирая голову кулаком.

– Тебе не противно жить в такой помойке?

– Я не замечаю. Мне кажется, тут нормально. Ну, может, полы...

– Да! – с жаром подхватила я, садясь и открывая наконец глаза. – И пыль, и мутные стекла, и серые портьеры – ну, ведь здесь не всегда так было, правда же?

Гек вдруг помрачнел, снова лег на спину и закрыл глаза. Я испугалась – вдруг сказала что-то лишнее, разбудила какие-то неприятные воспоминания, и теперь он отдалится от меня, закроется?

– Мама всегда убиралась по субботам. Это был ее выходной день, и она с самого утра надевала такой голубенький халатик с короткими рукавами, повязывала белую в горох косынку и босиком взбиралась на подоконник, – каким-то упавшим голосом заговорил Гек. – Она мыла стекла, а я сидел на стуле и смотрел на то, как по ее рукам текут капли. Мама полоскала тряпку в тазу, тыльной стороной руки убирала прядь волос, выбивавшуюся из-под косынки, – у нее была такая прядка, ни в какую прическу не убиралась, всегда висела справа, как завиток, и улыбалась мне. Наверное, это было самое счастливое время в моей жизни.

Я замерла и боялась пошевелиться – впервые с момента нашего знакомства Гек заговорил со мной о прошлом, да еще так – вспоминая о матери. Мне всегда казалось, что в такие моменты люди становятся настоящими, без прикрас, потому что лгать, вспоминая о матери, невозможно и кощунственно. Возможно, это мое личное – у меня матери никогда не было.

Аделина

Неприятности начались с самого утра. Во-первых, я проспала – не услышала будильник, даже не представляю, как это вышло. Когда вскочила, часы показывали половину восьмого, обычно в это время я уже выхожу из своего кабинета и иду в послеоперационные палаты. А ведь еще нужно доехать, а на это уйдет минут сорок пять, если не больше. Черт, как я так уснула?

Наскоро приняв душ и выхватив из шкафа первое, что попало под руку, молясь, чтобы это не оказалось, например, домашним халатом, я, на ходу одеваясь, выскочила в коридор и сунула ноги в стоявшие ближе всего туфли. Интуиция подсказывала, что с обувью я промахнулась и на улице обязательно либо дождь, либо холодно, но менять что-то уже поздно. Схватив сумку, я выбежала из квартиры, даже не вспомнив, что последние два месяца сдаю ее на пункт охраны. Не до этого...

Вторым «приятным» сюрпризом явилось то, что в брелоке автомобильной сигнализации села батарейка и открыть машину с него я не могу. В панике я даже не подумала, что можно открыть дверь ключом – сегодня критическое мышление меня явно оставило, обычно я менее рассеянна в патовых ситуациях. Да и правое переднее колесо выглядело спущенным, и возиться с этим сейчас уж точно времени не было.

Я выбежала из двора, на ходу пытаюсь остановить хоть какую-то машину. Наконец возле меня затормозило ярко-желтое такси, я запрыгнула в салон, всем своим видом давая понять водителю, что ни за что не выйду, даже если он откажется меня везти. Назвала адрес клиники, водитель застучал по навигатору:

– Далековато.

– Ну, и оплата соответствующая. Пожалуйста, поторопитесь, я опаздываю, – пробормотала я, набирая сообщение администратору Алле.

Таксист только хмыкнул, но поехал действительно быстро. Прикинув, что опоздание будет не таким уж неприличным, я все-таки начальник и обход своих больных могу сделать на час позже, я немного успокоилась и откинулась на спинку сиденья. Погода по-настоящему оказалась отвратительной – холодно, мелкий косой дождь, люди в плащах и даже в сапогах, и только я, такая красивая, в летних туфлях, светлых брюках и тонкой рубашке. Как я ненавижу весну за эти перепады погоды от заморозков до нестерпимого зноя... Хорошо еще, что успела прихватить с вешалки большой клетчатый платок, больше похожий на плед – в него можно завернуться и не особенно замерзнуть. Однако возвращаться домой все равно придется на такси.

Даже здесь, в машине, я ощущала атмосферу напряженности и тревоги, окружавшую меня в последнее время. Это такое странное ощущение, которое сводит с ума, и я боюсь, что скоро случится самое ужасное – не смогу оперировать. А ведь это неизбежно, если я буду недосыпать, начнут дрожать пальцы, ухудшится зрение, будет рассеиваться внимание – словом, я стану совершенно непригодна как хирург и этого позволить себе просто не могу. У меня пациенты, которые надеются на помощь, которые доверяют мне свою внешность, а зачастую и жизнь. Нет, мне нужно придумать, как выбраться.

Мама-мамочка, как же мне иногда не хватает тебя... Да, мы не были особенно близки, Николенька всегда был твоим любимчиком, но поговорить и спросить совета я всегда могла. И теперь мне это особенно нужно, но тебя нет.

Первые признаки болезни Альцгеймера обнаружились у мамы, когда я училась на последнем курсе. Тогда ни она, ни я не придали большого значения провалам в памяти, возникавшим у мамы от случая к случаю, но болезнь прогрессировала, и вскоре мама стала забывать расположение комнат в квартире, назначение многих предметов... Ей пришлось уйти с работы – ну, это как раз понятно, все-таки она не бумажки перекладывала, а оперировала. Я же стала бояться

оставлять ее дома одну – мама могла выйти из квартиры и не найти дорогу обратно. В каждом кармане ее верхней одежды лежали записки с адресом и моими телефонами, и даже Николенька на какое-то время остепенился и стал чаще бывать дома. Но помочь маме мы ничем не могли. Вскоре она перестала нас узнавать, то и дело вызывала полицию, номер телефона которой по какой-то странной прихоти мозга сохранился в ее памяти, потому что считала, что в ее квартиру проникли посторонние – я или Николенька.

Мама умерла спустя год после того, как я открыла свою клинику, так и не узнав об этом. Я, конечно, ей рассказывала, но вряд ли мои восторженные рассказы доходили до ее сознания. В последний год я то и дело заставляла ее в кабинете с атласом анатомии, мама, нахмурившись, водила пальцем по картинкам и словно старалась вспомнить что-то. Но всякий раз, когда она поднимала глаза от картинок, я видела в них только пустоту. Нет ничего страшнее, чем видеть, что от твоего любимого человека осталась только оболочка, а то, что делало маму той женщиной, которую я любила, безвозвратно ушло. Мне пришлось нанять сиделку, потому что я не в состоянии была разорваться между заканчивавшимся ремонтом в здании будущей клиники, операциями в больнице, где я все еще работала, закупкой оборудования и материалов, научными статьями, братом – и совершенно ничего не воспринимающей уже мамой, которой приходилось объяснять, как открывается кран в ванной или где в квартире находится туалет.

От брата большой помощи не было, но я благодарила его и за то, что он пытался сделать – присматривал за мамой, если у сиделки был выходной, покупал продукты. Но даже это не отвлекало его от покера, и однажды, когда Николенька так увлекся очередной игрой, что не замечал ничего вокруг себя, мама ухитрилась открыть газ в кухне. Когда брат наконец почувствовал проникавший из-за запертой двери запах, было поздно – мама лежала на полу без сознания, и спасти ее не удалось. Мне до сих пор кажется, что в момент, когда она включала все четыре конфорки, у нее случилось что-то вроде просветления, потому что она предварительно заперла дверь кухни и педантично заткнула все щели полотенцами и салфетками. Думаю, она очнулась на какое-то время и, оценив свое состояние, приняла это страшное решение – уйти из жизни.

На похороны явилась, кажется, вся медицинская общественность города – мама была человеком известным, ее многие уважали и пришли отдать дань памяти ее таланту хирурга. Я не плакала. Наверное, в подобном стыдно признаваться, но я испытала что-то вроде облегчения, так как была давно готова к подобному исходу. Мама могла уйти из дома и бесследно пропасть, могла попасть под машину – да что угодно. А так она хотя бы умерла в собственной квартире, а не замерзла насмерть в каком-нибудь лесном массиве.

На Николеньку же страшно было смотреть. Совершенно белый, с посиневшими губами, он стоял рядом со мной, и его бил мелкая дрожь – я видела дрожащую нижнюю челюсть и прозрачную каплю, свисавшую с кончика носа. Молча я протянула ему платок, брат скомкал его, вытер нос и всхлипнул. Я знала, что он винит себя – об этом он твердил все три дня, что мы готовились к похоронам, и мне даже пришлось пару раз колоть ему успокоительное, чтобы он смог хоть на несколько часов забыться и поспать. Сама я еле держалась на ногах от недосыпа, а потому практически не слышала того, что говорили бывшие мамы коллеги. И вдруг чей-то голос привлек мое внимание, я повернулась и увидела Павла Одинцова. В глазах потемнело. Это был, пожалуй, единственный человек, чье присутствие здесь меня удивило. Мы давно расстались, он уехал в другой город – и вдруг появляется на кладбище в день похорон моей матери. Ничего более нелепого и ужасного я себе и представить не могла. Он договорил – я даже не поняла смысла его речи – и, опустив голову, отошел от могилы. «Нет, только не приближайся, только не подходи ко мне, ты ведь должен понимать, как это неуместно, – молилась я про себя, понимая, что могу сорваться. – Сделай так, чтобы я не опозорила свою мать на ее похоронах и не надавала тебе пощечин за все, что ты сделал со мной». И Одинцов словно услышал мои

молитвы, отошел куда-то вправо, где стояли бывшие мамы коллеги по больнице. Я перевела дыхание и вдруг почувствовала, что по щекам текут слезы. Я плакала, не замечая этого.

– ...мадам, мы стоим у этого шлагбаума уже минут десять. Мне что – снова в город вас везти? – от неожиданности я уронила телефон на автомобильный коврик и долго, нагнувшись, шарил рукой у себя под ногами.

– Да-да, простите, сейчас. – Найдя телефон, я открыла окно и помахала охраннику, чтобы поднял шлагбаум. – По этой аллее прямо, пожалуйста.

Водитель только головой покачал.

Расплатившись, я вышла из машины и бегом бросилась в здание. Часы показывали без четверти девять, я непростительно опоздала, и будь на моем месте кто-то из сотрудников, непременно получил бы выговор. Себе, конечно, не объявишь, но было очень стыдно.

Наскоро переодевшись в кабинете, я схватила лежащие на углу стола папки с процедурными листами моих пациентов – там во время обхода я делала пометки об отменах препаратов и процедур и писала новые назначения. После обеда медсестры переписывали листы заново, а назавтра процедура повторялась – так мне было удобнее и нагляднее. У выхода из административной части здания меня ждала дежурившая сегодня медсестра Наташа – маленькая, аккуратненькая, в ладно сидевшем на ее хрупкой фигурке хирургическом костюме.

– Доброе утро, Аделина Эдуардовна, – приветствовала она меня, и в ее глазах я уловила нетерпеливое любопытство – прежде я никогда не опаздывала. Не сомневаюсь, что сегодня во время моего отсутствия персонал выдвигал по этому поводу самые разные версии.

– Доброе утро, Наташа. Идем, больные ждут.

Она кивнула и пошла следом за мной в отделение.

Клиника представляла собой огромное трехэтажное здание, состоявшее из трех отдельных корпусов, соединяющихся между собой переходами, – административного, собственно хирургического, где размещались операционные, перевязочные и прочие вспомогательные кабинеты, и стационара, где пациенты находились после перевода из постоперационных палат. Это было удобно – ничего не нарушало покой пациентов после операций, в этом же корпусе имелся большой зимний сад, куда могли приходить посетители, и кафе, в котором они могли выпить кофе и попробовать десерты, которые мастерски готовила наша Анна. Мне хотелось, чтобы все посетители моей клиники были довольны и лечением, и реабилитационным периодом, поэтому весь персонал старался обеспечить это любыми доступными способами.

Осмотрев своих пациентов, изменив некоторым назначения, а некоторым оставив все как было, я отдала Наташе листы и бросила взгляд на часы. Управилась за полчаса, отлично. Сегодня у меня не было назначено операций, зато должен был приехать очередной проверяющий, и это испытание похуже любой сложной манипуляции. Мне проще было несколько часов провести в операционной с микроскопом и скальпелем, соединяя нервы и кровеносные сосуды, чем водить по клинике какого-то гуся из управления, показывая ему, как и что у меня здесь устроено. Но ничего не поделаешь.

Вернувшись в кабинет, я набрала внутренний номер пищеблока и, когда Анна взяла трубку, спросила:

– Ты не забыла?

– Нет, Аделина Эдуардовна, все почти готово. Во сколько подавать?

– Я тебе позвоню, когда мы в твоё царство пойдём.

– Понятненько.

Я положила трубку и подумала, что Анна, пожалуй, единственный человек во всей клинике, которому я могу доверять абсолютно. Она поддерживала меня во всем, она старалась превратить наш кухонный блок практически в ресторан высокой кухни, и ей это удалось. Однажды мне позвонила бывшая пациентка, которой я удачно вернула на место свернутый в буквальном

смысле набор в аварии нос, и предложила объединить усилия и, достроив на территории еще небольшой корпус, сделать там полноценный ресторан.

– Ваша повариха достойна собственной кухни, мы могли бы неплохо зарабатывать на этом, – убеждала пациентка.

Мне подобное предложение было ни к чему. Во-первых, строить ресторан на территории клиники мало того, что безумно, так еще и запрещено, во-вторых, связываться с человеком, которого я совершенно не знаю, а только лечила, вообще не в моих правилах, ну, а в-третьих, когда я спросила мнение Анны, та замахала руками и твердо заявила, что никакая другая кухня, кроме этой, ей не нужна.

– И не надо говорить, что в другом месте я могла бы больше зарабатывать, – сразу предвосхитила она мои слова. – Меня все устраивает здесь, я сама себе хозяйка, я готовлю то, что хочу, я делаю это так, как считаю правильным, и ничего менять не собираюсь.

Мне было приятно слышать это, но я прекрасно понимала еще и то, что Анна просто боится уходить туда, где никого не знает. И на это у нее имелись свои причины.

Матвей

– Матвей Иванович!

Звонкий, но какой-то встревоженный голос дежурной сестры из приемного отделения заставил его встрепенуться и оторваться от компьютера, где он уже заканчивал описание прошедшей операции.

– Да, Женя, что случилось? Я нужен?

Сегодня он дежурил в приемном отделении. Это была формальность – обычно к каждому хирургу сюда попадали по записи, однако бывали ситуации, при которых пациентов привозили из других стационаров, это относилось в первую очередь к детям. Поэтому существовал график дежурств, при котором каждый из хирургов раз или два в неделю – как выпадет – должен был в подобном случае спуститься и осмотреть больного, решить вопрос с госпитализацией или просто проконсультировать.

Матвей закрыл окно с историей болезни, взял фонендоскоп и, накинув поверх костюма халат, пошел в приемное.

Женя встретила его прямо на входе, и в глазах ее, к удивлению Матвея, стояли слезы:

– Матвей Иванович, идемте быстрее...

– Что случилось, Евгения?

Когда он шагнул в кабинет, то сразу понял, почему далеко не слабонервная Женя едва сдерживалась. На кушетке сидела девочка. Маленькая девочка с толстыми русыми косичками, на вид лет шести, не старше. Она прижимала к левой щеке какое-то полотенце, закрывавшее также нижнюю часть лица. Но даже не это поразило Матвея, видевшего за годы практики всякое, а глаза. Уставшие глаза взрослой женщины, не выражавшие ничего, кроме этой нечеловеческой усталости. Этот взгляд порастил Матвея, ему стало как-то не по себе – это что же пришлось увидеть такому маленькому ребенку, чтобы научиться так смотреть...

Он присел рядом и спросил:

– И как же тебя зовут?

– Настя, – проговорила девочка, не отнимая полотенца ото рта.

– Анастасия, значит. И что с тобой случилось, Анастасия? – Дав знак Жене записывать, он осторожно попытался забрать полотенце, но девочка вцепилась в него и не отпускала. – Позволь мне посмотреть, пожалуйста. Я доктор, я хочу тебе помочь.

Но ребенок не выпускал полотенца, а отбирать его силой Матвей не решился.

– Женя, кто из взрослых есть? Мама, папа? – Он заметил, как при этих словах девочка вздрогнула и в глазах мелькнул испуг.

– Нет, ее, кажется, не родственница привезла, я так и не поняла... сейчас я ее позову, она куда-то звонила. – Женя выскочила из кабинета, а Матвей снова подступил к девочке:

– Настюша, ты меня боишься? – Ребенок отрицательно качнул головой. – Ну, и отлично. Давай пока вот что обсудим. Тебе сколько лет?

– Одиннадцать, – донеслось из-за полотенца, и Матвей удивленно переспросил:

– Сколько?!

– Одиннадцать, – повторила девочка.

– Я думал, тебе лет шесть. Очень молодо выглядишь, – неуклюже пошутил Матвей.

– Так все говорят.

– Хорошо, а скажи мне, Настя, что же все-таки с тобой случилось?

– Я сама виновата, – проговорила она и снова умолкла.

Наконец вернулась Женя, ведя за собой молодую женщину в длинной юбке и распахнутой кожаной куртке. Лицо у женщины было бледным, а губы дрожали.

– Здравствуйте, – обратился к ней Матвей. – Это вы девочку привезли?

– Да, я. Вы извините, я знаю, что у вас так не делают, нужно по записи, но я так растерялась... а здесь моя мама оперировалась полгода назад, вот я и подумала... а где Аделина Эдуардовна?

– Она занята, а в приемном дежурю я, меня зовут Матвей Иванович. Так что все-таки случилось?

Женщина нерешительно посмотрела на девочку, потом наклонилась к Матвею и спросила:

– Мы не могли бы выйти?

– Хорошо. Женя, вы побудьте пока с Анастасией, мы сейчас вернемся.

Вместе с женщиной Матвей вышел из кабинета и, отойдя в дальний конец коридора, где стояли два кресла, предложил ей присесть.

– Я вас слушаю.

– Меня зовут Инга. Я даже не знаю, с чего начать...

– С того, что случилось и что заставило вас везти ребенка сюда. Вы ей, кстати, кем приходитесь?

– Я соседка. Дело в том, что Настя... как бы так сказать, господи... – Инга вынула из сумочки платок и вытерла лоб. – Словом, Настя – старшая в многодетной семье, их там семеро. Отец у них какой-то сектант, а мать только и делает, что рождает каждый год. Настя ведет все хозяйство, готовит, стирает, убирает, за младшими следит – а их шестеро, от десяти до года, и мать снова беременна. Настя в школе еле тянет, да и когда ей, единственное, что ее интересует, – кулинария, она у меня все книги перетаскала, я ресторанный критик. Я живу с ними на одной лестничной клетке. Возвращаюсь сегодня домой, а Настя сидит на лестнице и плачет. Я спрашиваю: что случилось, мол, а она голову опустила и не поднимает, ревет только. Ну, я рядом села, смотрю – а у нее все лицо в ожогах, щека, губы и подбородок. Спрашиваю: как ты так? Она молчит. Ну, я ее схватила и сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.